

**В вихре
времени**

Борис БАТЫРШИН

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Соотечественники

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *А. Заикина*

Батыршин, Борис Борисович.

Б28 Крымская война. Соотечественники / Борис Батыршин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 448 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-04-089023-1

Заключительная книга цикла «Крымская война».

Отправленная на Крымскую войну экспедиция российских военных, включающая батальон морской пехоты, усиленный артиллерией и бронетехникой, «немного» промахивается во времени и попадает в 1920 год, к самому финалу Гражданской войны.

Договориться с красными о перемирии оказалось значительно проще, чем с «заглянувшими на огонек» англичанами. Все-таки комфронта Фрунзе – свой человек, а «просвещенные мореплаватели», решившие выяснить, кто круче, в очередной раз умылись кровью, потеряв легкий крейсер.

Эвакуация прошла почти спокойно, и вместо позора Бизерты и Галиполи беженцев ждут великие дела. Совершив скачок в прошлое, они решительно закрепят победу в Крымской войне и развернут ход истории России!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089023-1

© Батыршин Б. Б., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ВМЕСТО ПРОЛОГА

*Из речи ректора Зурбаганского
императорского университета
1917 Р.Х./62 Э.О.В. 22.*

«...отмечаем годовщину главного события в истории — за исключением разве что Рождества Христова. Недаром оно тоже стало точкой отсчета новой эпохи.

Объединение усилий человечеств, соединенных Осью Времени, дало поразительный эффект: на обеих планетах люди скоро забудут о войнах, нищете, голоде, термоядерная энергетика открыла нам невообразимые горизонты. Созданы и разумно упорядочены Инфосферы, и здесь надо отметить колоссальные трудности, которые пришлось преодолеть «той стороне» в эпоху так называемого сетевого варварства. Люди обосновались на Луне и Марсе. Пока мы отстаем от наших собратьев, уже добравшихся до спутников планет-гигантов, но ведь они много раньше нас вступили на космическую тропу! К тому же трудно переоценить наш вклад в области исследований метрики пространства-времени — а ведь именно это проложило путь к освоению Солнечной системы, и скоро откроет Объединенному Человечеству и дорогу к звездам.

Историки науки порой говорят о событиях, приведших к созданию Оси Времени, как о цепи случайностей. Случайно физики набрали на «эффект хроно-

пробоя»; случайно к нам угодили «попутчики», моряки «Алмаза» и «Заветного»...

Я не согласен со столь механистической точкой зрения. Движениями отдельных молекул в объеме газа управляет случайность, но все вместе они подчиняются законам, регулирующим состояние вещества. Шестьдесят три года назад случилось то, что должно было случиться согласно законам Познания, столь же непреложным, как и законы термодинамики. Возможно, это произошло бы несколько позже, и не в России... хотя я не в силах представить другую страну, другую, если хотите, цивилизацию, которая смогла бы столь полно воплотить в жизнь возможности, открывшиеся перед человечеством...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Уходили мы в бой и в изгнание...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Миноносец «Живой»

«Минуль годъ съ того дня, какъ начались мои испытанія. 23 октября 19-го года пришлось оставить вмѣстѣ съ колонной добровольцевъ родной городъ. Я покинулъ домъ не по своей волѣ — мнѣ нечего было ждать, кромѣ преслѣдованій, вѣдь я считался царскимъ чиновникомъ и могъ быть разстрѣлянъ какъ заложникъ.

Уходили отъ большевиковъ всѣ, кто могъ. Шли подъ дождемъ и въ морозъ въ легкомъ одѣяніи, безъ вѣщей и денегъ, не зная куда...»

Ноябрьскій ветер рвал из рук тетрадку. Это была уже четвертая — еще три, исписанные от корки до корки, он таскал с собой от самого Чернигова, по бесчисленным эшелонам, вокзалам, гостиничным номерам. Дневник был последней ниточкой, связывающей Адриана Никоновича с прежней жизнью. Жена умерла за два года до войны. Дочь Ольга поступила сестрой милосердия в санитарный обоз дроздовцев и после новороссийской катастрофы оказалась сначала в Констанце, а потом в Греции, откуда и переслала отцу письмо. Это само по себе казалось чудом: почта давно не действовала, да и постоянного адреса у Адриана Никоновича

не имелось. Он устроился в технический отдел службы тыла армии Врангеля, где и нашло его послание.

Ольгин муж (хирург военного госпиталя, с которым она сошлась в эвакуации) собирается в Америку. И слава богу — супруге врача не придется думать о хлебе насущном, не то что ему, путейскому инженеру. Казалось бы: в России, из которой его уносят ветра эмиграции, полно дел. Война и смуты привели железные дороги и подвижной состав в плачевное состояние, хороший специалист нужен любой власти, но... Чиновник Департамента путей сообщения еще мог рассчитывать, что новая власть простит ему вицмундир и седьмой классный чин, но вот служба у Врангеля... нет, Адриану Никонвичу не хотелось в пресловутые подвалы ЧК!

На борт он поднялся в числе последних. Суда, предназначенные для эвакуации, были сплошь старые корыта: котлы изношены, холодильники текут, подшипники — слезы. Рабочие портовых мастерских разбежались, да и какие мастерские в убогом керченском порту? Пришлось наспех собирать ремонтные бригады, и, пока другие грузились на пароходы, Глебовский пытался оживить старые механизмы, чтобы они хоть на последнем издыхании, а дотянули до Константинополя.

* * *

Миноносец «Живой», на котором исправна была одна машина из двух, был набит людьми, как жестянка сардинами. Отдельная каюта, обещанная Врангелем («Господин инженер, еще немного постарайтесь, всех надо увезти! Потом отдохнете, я распоряджусь вам каюту...»), осталась на пароходе «Мечта» — Адриан Никонвич уступил ее приват-доценту Осиповичу с женой и дочерьми. На «Мечту» грузили керченские учреждения: интендантство, пограничную стражу, комендатуру. Беженцы перебирались на пароход с угольной баржи: ее подогнали к борту, и люди, порой немолодые, туч-

ные, карабкались по трапу, роняя саквояжи и узлы. Высоченный форштевень океанского чудовища нависал над ними, и солнце, ненадолго выглянувшее из-за туч, вызолотило буквы на борту. Это и правда была мечта — надежда на спасение, на новую жизнь, которую черт знает как начинать на чужбине...

Приняв на борт семь тысяч человек, «Мечта» прощально взревела сиреной и выползла на рейд. А Глебовский вернулся в мастерские. Если не успеть с починкой, буксирный катер «Херсонес», назначенный «Живому» в сопровождение, так же гуднет и уйдет на запад. Капитан «Херсонеса» обещал ждать до последнего, но и ему не хотелось отваливать от пирса под перестук красных пулеметов.

Они успели. В три часа пополудни «Херсонес» поволок миноносец на внешний рейд. На окраинах уже постреливали — то ли шалили очумевшие от безвластия бандюки, то ли входили в город передовые разъезды красных. Погода портилась, накрапывал дождь. Глебовский, сжевав припасенную сайку, устроился под парусиновым тентом и раскрыл тетрадку.

* * *

— Слыхали, Федот Демьяныч, что духи гуторят — машина не сдюжает! Скоро встанет совсем, а волны — вона оне какие!

Матрос, которому были адресованы эти слова, яростно поскреб в затылке.

— Это что ж, в обратку до Керчи вертаться?

— Ка-акое там, в обратку! — Первый поежился и плотнее закутался в бушлат. — Чтобы к краснюкам назад — да ни в жисть! Они ж всех повбивають!

— Нет, — подумав, ответил Федот Демьяныч. — Меня не тронут!

— Это с чего? Всех повбивають, а вас отпустить? Мож, и горилки на дорожку дадут?

— Ты, Семка, брось скалиться, выбью зубы-то! Раз говорю — не тронут, значицца, так оно и будет. Как им тронуть, коли я ихний, красный! В восемнадцатом, на Волге, на плавбатарее «Сережа» заряжающим состоял при четырехдюймовой орудии! В боях за Свияжск меня и ранило. Думали, помру, но бог уберет: брательник забрал из госпиталя, увез к себе, в Таганрог, откормил, выходил. А потом уж и белые мобилизовали.

— Тогда оно, конечно... — согласился Семка. — Тогда, мабуть, и не шлепнут.

Адриан Никонович засунул тетрадь за пазуху и прислушался. Сквозь размеренные удары волн и завывание ветра больше не пробивались звуки машинного отделения. Глебовский нахмурился, положил руку на леерную стойку. Так и есть — ладонь не ощущала привычной дрожи. Вот и угольный дым из труб стал пожиже...

— Так-то, господин хороший, поломался кораблик! — сказал Семка, заметив манипуляции инженера. — Но вы не дрейфьте, «Херсонес» вытащит, лишь бы погода не испортилась!

Волны и правда становились выше; идущий впереди «Херсонес» валяло с борта на борт. Буксирный трос то натягивался, как струна, и тогда с него во все стороны летели мелкие брызги, то бессильно обвисал, погружаясь в воду. Порой корма буксира скрывалась за пенными гребнями. Матрос прав — близится шторм.

II

Севастополь.

Двор городской прогимназии

На плацу было непривычно тихо. Атмосфера брошенного армией города передалась и этому зданию, нынешние обитатели которого дольше всех хранили верность белой идее. Они и сейчас ей не изменили, эти юнцы, зятянутые в хаки, с приставленными к ноге винтовками.

Генерал Стогов пробежал взглядом по лицам. Усталые, сосредоточенные, нарочито веселые... Вот этот, с соломинкой в зубах, бравирует равнодушием — наверное, воображает себя эдаким лейб-кирасиром. Сигара, французская брань, стек похлопывает по голенищу, марш-марш во главе спешенного эскадрона, в штыки, на проволоки, на тяжелые гаубицы...

Стогов усмехнулся. Нет, ребята, тем гвардионцам не равняться с вами. Вы пережили кровавый хаос 18-го, германскую оккупацию Украины, гетманщину, петлюровщину. Вслед за армией Деникина вы перебравшись в Крым, когда Киевское Константиновское военное училище было переведено в Феодосию. В бурях русской смуты вы хранили верность своей альма-матер, верили, что Россия воспрянет, и ей снова понадобятся кадровые офицеры. Из вас половина с боевым опытом: вы ходили с улагаевским десантом, дрались в январе 20-го у Армянска, в кубанских плавнях, в Северной Таврии, на Перекопе. А сколько вас лежит на кладбище в Феодосии...

Но теперь все конечно. Остатки войск грузятся на пароходы в Керчи, Ялте, Евпатории. Эта рота — все, что осталось, чтобы прикрыть последние транспорты. Дать время измученным, отчаявшимся приват-доцентам, штабс-капитанам, чиновникам и их семьям, князьям, чьи плечи помнят эполеты гвардии, бывшим октябристам и монархистам, протиравшим брюками скамьи Государственной думы, эсерам, оборонцам... «Какие-то конституционные, прости господи, демократы! — возмутился генерал. — А я их привык считать, простите, изменниками! А тут — возись, спасай, вывози... оставить эту сволочь большевикам, и вся недолга!»

После революции Стогов долго скитался с подложными документами. И как-то в марте 18-го случайно узнал, что на запасных путях одного из московских вокзалов стоит штабной вагон Бонч-Бруевича, товарища по академии Генерального штаба, а ныне — руководителя

Высшего военного совета Республики. Стогов, заросший нечесаной бородой, в рваном тулупе, с красными от бессонницы глазами, подошел к «красному генералу»:

— Не узнаете, Михаил Дмитриевич? Я — Стогов...

Его приняли. Совдепы нуждались в грамотных штабистах, Стогова ценили, хотя и не вполне доверяли. Председатель Высшей военной инспекции Подвойский думал иначе:

«Стогов — хороший авторитет, большой человек. Он не верит ни в режим, ни во что, но я не постеснялся бы взять его в инспекцию...»

Подвойский ошибался. Стогов, служа красным, установил связь с подпольным Штабом Добровольческой армии Москвы, числился главкомом Московского района. После ареста бежал в Польшу, пробрался на юг России, служил при штабе Шкуро, а в мае 20-го стал командантом Севастополя.

Но все это в прошлом. Сейчас осталось одно: сделать так, чтобы беженцы поднялись по трапам, набились в трюмы, заполнили палубы. А потом — смотрели на тающий вдали берег, рыдали, бились в истерике, стрелялись в шаг... от чего? От непонятной, постылой жизни в эмиграции. Россия для них потеряна.

Но не для этих ребят, младшему из которых едва стукнуло шестнадцать, а старшему нет и двадцати. Им проще: рядом плечо товарища, рука сжимает цевье трехлинейки. Одеты с иголки, в английское хаки: френчи с накладными карманами, бриджи, высокие ботинки, твердые кожаные краги. Только фуражки русского образца — начальник училища нипочем не соглашался брать английские, плоские, как блин.

— Командир роты, ко мне!

Подбежал, придерживая шашку, штабс-капитан Руквишников. Щелкнул каблуками, брякнул шпорами.

— Выдвигайтесь к северу, вдоль Приморского шоссе. Из Евпатории сообщили по проводу: с севера подходят

массы конницы. Это бандиты из армии Махно, те, что четыре дня назад разбили у Карповой Балки корпус Барбовича. Дорога на Севастополь для них сейчас открыта. Займите позиции на Альме — это самый удобный рубеж обороны. Если махновская конница двинется на юг, продержитесь хоть до завтрашнего вечера. Я вас дождусь с последним пароходом, слово офицера!

Генерал говорил громко, юнкера все слышали. Недоумение и испуг на их лицах сменялись отчаянной лихостью. Ротой задержать врага, разбившего лучшую кавалерию белых? Да запросто. Они константиновцы, они справятся!

— До Альмы, ваше превосходительство, полсотни верст, — осторожно возразил Рукавишников. — К завтрашнему утру дотопаем, не раньше. А еще и назад?..

— Зачем своими-то двоими? Берите грузовики, какие найдете, приказ я напишу. Среди юнкеров есть шофэры? Штабс-капитан повеселел.

— Найдем, вашпревосходитство! Во втором взводе Михеев, да Овечкин, да Рыбайло из четвертого. Я и сам, если надо, сяду за руль!

— Вот и славно! Берите патронов побольше, пулеметы. Встретите этих бандитов константиновским горячим приветом!

Эти слова он произнес громко, и шеренга юнкеров отозвалась дружным «ура». Ни тени сомнений на мальчишеских лицах — глаза горят, марш вперед, труба зовет, черные гусары!

— Разрешите обратиться вашпревосходитство?

Штабс-капитан обернулся. Спрашивал юнкер первой шеренги, тот, что грыз соломинку — высокий, русоволосый, фуражка лихо заломлена на левое ухо.

— Что тебе, Михеев?

— Мы в порту видели брошенные броневики, «Остин» и «Ланчестер». Оба исправные. Разрешите, мы их того, экспроприруем?

Стогова резануло это пакостное словечко — «экспроприруем». В бытность свою у красных он наслушался немало подобных слов, его тошнило от языка «товарищей». А юнкер ввернул походя, не задумавшись, что за этим стоит: стук прикладов в двери петроградских особняков; кольца, ордена, фамильные драгоценности, вываленные из бабкиных шкатулок в портфель «уполномоченного»; банки американских консервов, припрятанные на черный день и тоже изъятые...

— Хвалю за смекалку, юнкер! Степь там ровная, верховому от броневика не уйти.

Затарахтело, в распахнутые ворота влетела мотоциклетка. Поручик, с ног до головы затянутый в кожу, сдвинул на лоб очки.

— Вашпревосходительство, вас требует начальник порта! Корабли пришли какие-то непонятные, никто не знает — кто, откуда?

Генерал кивнул и направился к штабному «Дион-Бу-тону». Плац уже наполнился той особой военной суетой, что сопровождает выдвижение части с места дислокации. Краем глаза Стогов увидел, как трое юнкеров во главе с давешним «шофэром» — как его, Михеев? — выскочили за ворота. Один волок на плече жестянку с моторным маслом. Тут все в порядке, с облегчением подумал генерал. Константиновцы не подведут.

III

Севастополь. Графская пристань

— Это за кораблики? Может, французские? — спросил Митяй. — Ни разу таких не видал, а ведь я в Севастополе с таких вот годков проживаю!

И показал рукой на аршин от земли.

— Дурень ты, парень, прости Господи! — степенно отозвался дядя Жора, слесарь из портовых мастерских.

Митяй состоял у него в подручных, и оба они входили в подпольную большевистскую ячейку. — Какие французы, ежели у них гюйсы царские? Да и видели мы французские корабли, не такие они совсем.

Макарьев кивнул. Всего недели две назад его флагман адмирала Шарля Дюмениля, броненосный крейсер «Вальдек-Руссо» дымил своими шестью трубами напротив Графской пристани, и стволы главного калибра — по одному в башне, вот дурасть-то! — угрожающе смотрели на город. Французские корабли не так уж отличались от собратьев русской постройки. Инженер Ермолаев, начальник механического участка, на котором работали и Макарьев, и дядя Жора, и балабол Митяй, рассказывал, что русские броненосцы, потопшие при Цусиме, тоже строили по французским проектам. Нашли что копировать! Представить себе что-то столь же нелепое, как шеститрубный «Вальдек-Руссо», — это надо суметь!

Но корабль, вошедший в Севастопольскую бухту, ничем не напоминает бронированные калоши Третьей республики. Сильно наклоненный вперед, какой-то сплюснутый нос. Надстройка сдвинута к корме, впереди — круглая башня с двумя тонкими стволами. Еще одна на полуюте; единственная труба, широкая и плоская, завалена назад. И не дымит — не считать же за дым легкую, едва заметную пелену над трубой?

Неизвестный корабль был поменьше «Кагула», но крупнее эсминцев вроде «Фидониси» или героической «Керчи», команда которой, верная делу Революции, предпочла потопить свой корабль в Туапсе, а не сдать империалистам.

С эсминцами можно скорее сравнить второго пришельца. Правда, его силуэт заметно выше черноморских «новиков». Высокий полуют, форштвень, будто у гоночных яхт. На надстройке, позади носовой башни торчат непонятные штуковины, на манер барабанов, на